

Мар-1895

и въ Петербургѣ въ мартѣ мѣсяцъ и отчасти въ февралѣ.

Въ двухъ московскихъ журналахъ, по численности, помѣщено повыхъ произведений не больше, чѣмъ въ соответствующемъ количествѣ петербургскихъ журналовъ. Въ «Русскомъ Обозрѣніи» (№ 3) г. Павловъ напечаталъ свой завалывшійся рассказъ (онъ писанъ еще въ 1881 г.) — «Домой на праздникъ», посвященный главнымъ образомъ характеристикѣ нашихъ фабричныхъ, возвращающихся съ заработка. По своей тенденціи этотъ рассказъ нѣсколько смахиваетъ на религіозно-учительныя произведенія Л. Толстого, Лѣскова и пр. Главную фигуру въ этомъ рассказѣ составляетъ, впрочемъ, не фабричный рабочий, прибывшій своего отца и предавшійся послѣ этого пьянству въ сосѣдней деревнѣ, а явившійся откуда то вдругъ, какъ deus ex machina, старикъ, проповѣдникъ религіозно-правственныхъ истинъ, почти моментально превращающій озлобленнаго и обиженаго деревенскаго парня въ кроткую овечку.

Мѣсяцемъ ранѣе въ томъ же журналѣ (№ 2) напечатанъ рассказъ г. Стерня — «Одинокій». Главное дѣйствующее лицо здѣсь — видный чиновникъ, долгое время жившій одинокимъ и затѣмъ почти случайно женившійся. Привычка къ одиночеству оказалась въ немъ и послѣ женитьбы: онъ нисколько не приблизилъ къ себѣ своей жены и жилъ вдали отъ нея и своими личными интересами, такъ что его жена, отдалившаяся отъ мужа и его интересовъ, завела интригу съ другомъ дома. Наконецъ, рѣшительное объясненіе между супругами кладетъ предѣлъ ихъ двусмысленному взаимному положенію, и супруги, новидному, примиряются, или, по крайней мѣрѣ, не раздѣляются по отдѣльнымъ квартирамъ.

По своему содержанію весьма сходенъ съ рассказомъ г. Стерня раз-

сказъ г. Чехова — «Три гола», который напечатанъ въ «Русской Мысли» (№№ 1—2) и о которомъ я уже упоминалъ въ прошлой своей хроникѣ. Дѣйствующимъ лицомъ здѣсь является интеллигентный купецъ Лаптевъ, женившійся тоже какъ будто случайно на дочери доктора и тоже живущій одинокимъ отъ своей жены, которая въ теченіе трехъ лѣтъ своей супружеской жизни пока еще сильно кокетничаетъ съ друзьями дома, а мужъ смотритъ на это кокетничанье и говоритъ про себя: «посмотримъ, что будетъ». Нѣтъ спора, что г. Чеховъ со стороны внешней обработки своего рассказа значительно превосходитъ г. Стерня. Но въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ онъ сильно и замѣтно хромаетъ. Замѣчательно, что въ рассказѣ г. Чехова нѣтъ почти ни одного лица, живущаго болѣе или менѣе полною, цѣльною и, такъ сказать, нормальною человѣческою жизнью. Всѣ дѣйствующія лица въ его рассказѣ представляются какими-то недодѣланными, недоразвившимися и даже какъ будто сильно наклонными къ умышленному помѣшательству. Надобно сказать, что такая характеристика дѣйствующихъ лицъ вообще представляетъ господствующую и преобладающую черту въ произведеніяхъ г. Чехова. И это, мнѣ кажется, составляетъ существенный и большой недостатокъ въ его беллетристическомъ творчествѣ. Невольно является вопросъ: съ кого же г. Чеховъ постоянно черпаетъ свои портреты? Ужели, въ самомъ дѣлѣ, въ жизни многомилліоннаго русскаго государства нельзя встрѣтить ни одного здороваго человѣка? и ужели наблюдаемые беллетристомъ болѣзненные экземпляры представляютъ собою характерный типъ современнаго русскаго человѣка?

Въ томъ же журналѣ (№№ 1—3) г. Саловъ закончилъ свою повѣсть — «Практика жизни». Нужно сказать, что повѣсть г. Салова написана живо и читается не безъ интереса, но по своему содержанію она является повтореніемъ избитой уже темы. Родо-

М. К-ский

М.А. Купцовъ